

Глава 10: У него довольно приятный голос

—

С тех пор как Сюй Хэ принёс из города лекарства, он почти не выходил из дома, под предлогом сжигания угля на зиму немного отдохнув.

В тот день погода была хорошей. Увидев, что на колене уже образовалась корочка, а после нескольких доз лекарств простуда почти прошла, он взял таз и пошёл стирать одежду к реке.

Одежды для всей большой семьи набралась целая корзина. Неся корзину на спине и держа в руках деревянный таз, он шёл к реке. Зимой дней с хорошей погодой мало, у реки уже собралось много геров и девушек, стирающих одежду, все болтали и смеялись, было довольно оживлённо.

— Хэ гер, тоже одежду пришёл постирать? Быстрее, дайте ему место.

Одна женщина очень любезно позвала его. Сюй Хэ не стал церемониться, прямо подошёл и поставил таз.

— Невестка Мао, зовёшь Хэ гера, не чтобы о второй сестре расспросить?

— Что, нельзя о девушке спросить и узнать? — та женщина Мао тоже была прямой, открыто сказала: — Хэ гер, дома уже присмотрели для сестры жениха, выбрали мужа?

Сюй Хэ тер одежду:

— Нет.

Он говорил правду, и так же велела говорить его мать и вторая сестра. На все расспросы нужно отвечать, что ещё не выбрали, так вариантов будет больше.

— Невестка Сюй хочет выбирать из тысячи, разве так быстро найдёт. Невестка Мао, если хочешь, лучше найди сваху и прямо в дом пойди поговорить.

Среди стиравших одежду, кроме замужних женщин, было много незамужних девушек и геров. Слыша, как женщины с сыновьями спрашивают о Сюй Шаочунь, все, естественно, были недовольны. И так все хорошие парни в деревне доставались Сюй Шаочунь, выходишь постирать — и опять о её замужестве слушать, кому это приятно.

В это время по меже вдалеке прошёл мужчина, и у кого-то заблестели глаза, сразу же сменив тему:

— Смотрите, это же второй сын семьи Гуан? Правда, из города лекарства принёс.

— Грех какой. Тот мясник в нашей деревне — совсем не человек.

Две девушки не выходили из дома, новости до них доходили плохо, услышав, будто есть что-то интересное, не удержались и спросили:

— Что случилось?

— Вы разве не слышали о сватовстве Чжан Фаньюаня?

Сюй Хэ, услышав это имя, замер, теряя одежду, невольно поднял взгляд на далёкого мужчину и вдруг нахмурился.

— Раньше сваха предложила Чжан Фаньюаню пятую дочь семьи Гуан. На днях мясник пошёл на смотрины, стал презирать бедность семьи Гуан, ещё оскорблял второго сына семьи Гуан, что тот бездельничает. Поссорились, у мясника-грубияна сдали нервы, он полез в драку, сломал им стол, ещё избил Гуан Эра. Мать Гуан так разозлилась, что до сих пор дома лежит.

Две девушки недоверчиво раскрыли рты:

— Правда это?

— А то нет? Гуан Эр ходит весь понурый, ещё в травяную аптеку за лекарствами ходил. Мать Гуан, когда её спрашивают, сразу слёзы вытирает, я смотрю — жалко.

— Чжан Фаньюань и так был ни на что не годен, сам в городе шлялся, дрался, скандалил, ещё в игорном доме сторожил. Разве это занятие — честное дело? Так высоко нос задирает, то то ему не нравится, то это, странно, если вообще жену найдёт.

— Его четвёртый дядя и тётя, когда их допекли расспросами, защищались, говорили, что семья Гуан — нехорошая, у Гуан Эра руки загребущие, и что всем следует быть осторожными.

Женщина фыркнула:

— Не видела я, чтобы кто-то так родственников защищал. Брак не состоялся, но односельчане ведь остались. С людьми подрался, не найдя веских доводов, говорит такие обидные слова, клеветает на переселенцев, совсем перегнул палку.

— Раньше думала, Хэ-ши — разумный человек, а оказалось, такой нрав. Их Сяомао я теперь даже сватать не буду.

— Ещё говоришь о Сяомао, какой он маленький. Сейчас у семьи Чжан больше всего головной боли, наверное, из-за этого старшего племянника Чжан Фаньюаня. Такие дела разводит, разве на порядочного человека похоже? Боюсь, сколько бы приданого он ни дал, в деревне невесты ему не найти.

— Вам, незамужним девушкам и герам, нужно быть настороже, глаза открывайте пошире, не дайте себя обмануть, а то потом намучаетесь.

Все как раз горячо обсуждали, как вдруг один голос прорвался сквозь шум, холодный и твёрдый:

— Тётя Хэ говорила правду, она не защищала Чжан Фаньюаня. У Гуан Эра руки действительно загребущие.

Все замерли, увидев, как Сюй Хэ с холодным лицом решительно опроверг все разговоры. И удивились, что такой замкнутый и немногословный человек вмешался в беседу, и были недовольны, что он не поддерживает общий разговор.

— Ты, гер, что понимаешь? Семья Чжан с вашей семьёй ведь не в родстве. Почему за них заступаешься?

Сюй Хэ без изменения выражения лица сказал:

— Я говорю правду.

Женщина ответила:

— Эй, смотрите, Хэ гер упрямится.

Какой-то гер подшутил:

— Хэ гер, ты так за мясника заступаешься, неужели он к тебе свататься собирается? Дома согласились, что ли?

— Да уж, у твоей сестры такие высокие требования, точно не согласится, а тебя родители хотят за него выдать? Пусть выбор невелик, тебе всё же нужно хорошенько подумать. Чжан Фаньюань — не из лёгких в общении, неизвестно, когда и на тебя руку поднимет.

Все рассмеялись.

Сюй Хэ не обращал внимания на насмешки. Он поднял таз для стирки, чтобы уйти от сборища сплетников и стирать отдельно. Уходя, холодно бросил:

— Хотите верьте, хотите нет. Если не будете остерегаться семьи Гуан, потом, когда что-то пропадёт, не плачьте.

— Ты, гер, как так говоришь! — Женщина бросила колотушку для белья, упёрлась руками в бока и принялась ругаться: — Недаром мужчины в деревне ценят твою вторую сестру, а на тебя и смотреть не хотят. С твоим характером ты идеальная пара этому дикому мяснику.

Сюй Хэ не рассердился и не смутился. Всё равно за его спиной все сравнивали его со второй сестрой, просто теперь сказали в лицо, а не за глаза. Таких слов он наслушался, просто присел в стороне и продолжил тереть одежду.

Женщина хотела затеять ссору, но тот не отвечал, будто ударила кулаком по вате, отчего она от злости не находила себе места, но ничего не могла поделать. Поругавшись ещё немного, её наконец уговорили другие.

— Что за человек, право.

— Характер у него слишком уж странный.

Сюй Хэ делал вид, что не слышит, методично продолжая стирать одежду.

Он и не подозревал, что за густым бамбуковым зарослями на другом берегу реки Чжан Фаньюань, забросивший удочку в глубокую воду, уже целую палочку благовоний молча слушал сплетни.

В последние дни от пересудов в ушах уже мозоли выросли, хоть ложись и помирай — не докажешь.

Не думал, что семья Гуан так бесстыдная. Он оставил им лицо, а они вышли и сами укусили, повсюду плачут и прикидываются несчастными. В деревне у него репутация плохая, и семья Гуан этим воспользовалась, все решили, что он сильный обижает слабых, притесняет переселенцев, из-за чего куда бы он ни пошёл, жители деревни сторонятся.

Сейчас у него толстая кожа, сам он довольно спокойно к этому относится, просто чувствует

сильную вину перед семьёй четвёртого дяди. Те так старались для него устроить дело, а в итоге вышло так, и их ещё эти деревенские сплетницы так поносят.

Если бы не Сюй Хэ, который только что встал и заговорил в его защиту, по своему характеру он бы тут же бросил удочку и пошёл разбираться с болтуньями. Но Сюй Хэ был на той стороне, он сдержался и не пошёл вмешиваться. Бить женщин и геров — такое он всё же не мог сделать.

Удочка дёрнулась, он с раздражением дёрнул её. Карась забился на крючке, он грубо снял его и бросил в садок.

Сюй Хэ, кажется, поправился. По сравнению с прежним хриплым, как у дикой утки, голосом, сейчас он стал чистым и ясным.

Когда он поправился, голос у него оказался довольно приятным.

Особенно когда он произносил «Чжан Фаньюань».

Несмотря на его тихий и необщительный характер, он всё же заступился за него. Во всей деревне, кроме семьи четвёртого дяди, больше никто не заступился.

Спустя долгое время он вдруг осознал, что, кажется, улыбается.

...

— Тётя, я в реке пару рыбин поймал, вечером сварите.

Чжан Фаньюань, не отнёс садок с рыбой домой, а сразу же направился в дом своего четвёртого дяди, с бесстыдством принося продукты и навязываясь на ужин.

Он обладал недостатками, присущими подавляющему большинству мужчин того времени: сорил деньгами, не умел готовить и наводить порядок по дому. В последнее время он всё чаще и охотнее навещался на ужин к Чжан Шичэну.

— И эти вещи, купленные для прошлых смотрин, мне ни к чему, тётя возьмите, может, пригодятся.

Сладости он давно отдал Сяомао, их долго не хранить, оставшиеся ткани и шёлковые цветы лежали дома. Сегодня, глядя на них, ему стало противно, и он тоже принёс их Хэ-ши.

— Ткани и шёлковые цветы можно оставить на потом.

Чжан Фаньюань сказал:

— Нет, вряд ли пригодятся.

— Что за ребёнок, как можно так быстро падать духом.

— Я не падаю духом. Вещами, купленными для смотрин в одной семье, свататься в другую — если узнают, будет неудобно.

Хэ-ши кивнула, это верно.

Все по молчаливому согласию не упоминали нынешние деревенские сплетни, говорили о приятном:

— Хорошо, что сегодня вечером будет рыба. Давайте приготовим с кислым бамбуком и кислой капустой, как раз вы, дядя и племянник, любите. Сяомао уже давно просит отца пару рыбин наловить, а твой четвертый дядя умеет ловить рыбу только летом в поле. Зимой я уже давно не могу уговорить его пойти порыбачить хотя бы на полдня, он все время придумывает отговорки и отказывается выходить.

Чжан Фаньюань рассмеялся. Поболтав немного на кухне с Хэ-ши, он вошёл в дом. Сяомао как раз практиковался в шитье, вышитый кошелек с цветами сливы уже выглядел очень живо. Говорят, уже может брать заказы от городских ткацких лавок, так воодушевился, что даже гулять не ходит.

Его четвёртый дядя, Чжан Шичэн, в центральной комнате скручивал высушенную коноплю. Чжан Фаньюань, присев рядом, тоже скрутил несколько нитей.

— Что снаружи говорят — не принимай близко к сердцу. Ты поступил правильно. Если в нашей деревне не найдёшь, посмотри в других.

Чжан Фаньюань изначально спешил обзавестись семьёй, но после этого случая, наоборот, успокоился. В конце концов, это зависит от судьбы, нельзя торопиться:

— Я не принимаю близко к сердцу. И тёте скажи, не беспокойтесь и не бегайте. У меня в мыслях другие планы.

Чжан Шичэн отложил работу, боясь, что Чжан Фаньюань опять надумает что-то не то:

— Какие у тебя планы?

— Честное дело, маленькую торговлю. — Чжан Фаньюань сказал: — Односельчане презирают меня, во-первых, из-за испорченной репутации, во-вторых, из-за отсутствия работы.

— Не беспокойся, четвёртый дядя, я не буду безобразничать.

Чжан Шичэн долго смотрел на человека перед собой и в конце концов ничего не сказал.

—

<http://bllate.org/book/13886/1228023>